

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

W. Wolska. *La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustès.* Theologie et science au VI s. Bibliothèque byzantine publiée sous la direction de Paul Lemerle, Etudes 3, Paris, 1962, pp. XV+329.

Труд Ванды Вольской „Христианская топография Козьмы Индикоплова“ вышел в серии, публикуемой под общей редакцией проф. П. Лемерля, и посвящен интереснейшему памятнику средневековья, к которому неоднократно обращались исследователи. Книга состоит из двух частей, введения, заключения, приложений, библиографии и индекса. За кратким введением следует первая часть „Козьма и Восток“, состоящая из четырех глав: 1) Единство Христианской топографии, ее тематика и зависимость от Феодора Мопсуестского, 2) Козьма и школа Нисибии, 3) Трактат о двух состояниях (katastases): христология Козьмы, 4) Форма мира и космический символизм в Христианской топографии. Вторая часть „Козьма и Александрия“ также состоит из четырех глав: 5) Козьма и Филопон: кубическая вселенная и сферическая вселенная, 6) Эллинская космология, изложенная и опровергнутая Козьмой, 7) Заимствования Христианской топографии из космологии Аристотеля, стоиков и ионийцев, 8) География Козьмы. Затем следует заключение и шесть приложений.

Как и предшествующие исследователи, автор считает, что александрийский купец посетил страны бассейна Красного моря, остров Сокотру, Эфиопию (но не Индию).

Методом своего исследования Вольская считает рассмотрение Христианской топографии в ее целом, несмотря на исключительное разнообразие вопросов, затронутых в ней, непосредственную зависимость космологии от теологии. Связь воззрений Козьмы с антиохийской школой экзегены и идеями Феодора Мопсуестского, ему известными через мар Абу, патриарха несториан Персии, уже была отмечена (Н. Пигулевская. „Византия на путях в Индию“. Л., 1951, стр. 129—156), как и значение Нисивийской академии, оплота несторианства. Вольская, следуя этому положению, считает особенно отчетливым влияние идей Феодора Мопсуестского в противопоставлении видимого мира невидимому у Козьмы (стр. 31—32).

Мар Аба, имя которого в греческом переводе Патрикий, был персом, принявшим христианство. Из сирийского жития Абы VI в. известно, что он был „писцом хамаргерда той области Бет Арамае, имя которого было Хвадайбуд“. Это имя известного юриста VI в., упоминаемого в сасанидском законнике Madhighan i hazar dadhastan как Mart Bud (Н. Пигулевская. Мар Аба I. Сов. востоковедение, V, стр. 74; N. Pigulevskaja. Mar Aba. Melanges d'orientalisme offerts à Henri Masse. Téhéran, 1963, p. 328). В Вольской не следовало полагаться на поздние арабские версии, использованные другими исследователями, и предполагать, что он был участником земельной реформы шахов Кавада и Хосрова.

Воспитанник, а затем учитель несторианской академии в Нисибии, мар Аба передал Козьме сложившиеся у несториан взгляды, объединявшие космологическую и теологическую традиции, как это имеет место в Трактате Фомы Эдесского и в послании Гиваргиса (+680) к Мине о двух природах во Христе (pp. 73—85). Все трое следуют общей несторианской схеме, как это правильно отмечает автор.

Христология Козьмы, по ее мнению, имеет тесную связь с его представлением о строении вселенной, две природы во Христе (человеческая и божественная) отвечают двум мирам — земному и небесному и тому, что из сферы земной должен быть осуществлен переход в сферу небесную (p. 92).

В заслугу автору следует поставить ее стремление выявить общий источник Христианской топографии и Пасхальной хроники, в ее части, посвященной библейским патриархам. По предположению Вольской, это небольшой трактат несторианского характера о двух состояниях, автором которого был или мар Аба, или спутник Козьмы Фома Эдесский (pp. 103—105). Сравнивая богословские построения Христианской топографии с символом веры мар Абы и с трактатом Фомы Эдесского, автор приходит к выводу, что Козьма занимал среднее место между точкой зрения Абы и Фомы (pp. 108—110), так как 5-я глава Христианской топографии с ярко выраженным несторианством, по мнению Вольской, написана не Козьмой, о чем она особенно отчетливо говорит и в своем заключении.

Космографические взгляды Козьмы находились в зависимости от символических представлений некоторых александрийских ученых, что строение земли подобно жертвеннику Ветхого завета, вид которого мог представляться различным. Это подтверждается иллюстрациями (pp. 118—143). По мнению автора, Козьма стремился совместить представление о небе и земле, обтекаемой океаном, как имеющей кубическую форму со сферическим строением вселенной (pp. 131, 135). Одновременное сопоставление реалистических данных и символических понятий — отличительная черта его книги. Античная традиция, греческая и несторианская, в истоках своих древневосточная, могут быть обе прослежены у Козьмы (p. 147). Он излагает и доктрину Феодора Мопсуестского, и традиции Птолемея и Аристотеля. Но придерживается он несторианства, поэтому полемизирует с монофизитами — „лживыми христианами“ и с язычниками, „не христианами“ — иудеями, самаритянами, язычниками.

В свое время мы указали, что александрийский философ Иоанн Филопон в „Экзегезе на космологию Моисея“ полемизировал со взглядами несториан. Его труд написан в одно время с Христианской топографией и в той же Александрии, „так что эти сочинения едва ли могли остаться неизвестными друг другу“. Последние главы книги Козьмы „являются как бы ответом на полемику или на недоуменные вопросы, и очень вероятно, что именно эта часть его сочинения была вызвана появлением

труда Иоанна Филопона о «Сотворении мира» и желанием ответить на содержащуюся в нем критику взглядов Феодора Мопсуестского“ („Византия на путях в Индию“, стр. 137—139).

Наиболее интересными страницами книги Вольской является сопоставление частей книг двух александрийцев Козьмы и Иоанна Филопона (pp. 161—183), из которых видно, что они возражали друг другу. Хотя и можно заметить известную зависимость Козьмы от космологии Аристотеля и стоиков (p. 237), но во всяком случае он остается сторонником взглядов несториан.

В заключение автор еще раз останавливается на своем методе исследования, объединившем все проблемы воедино, — пророческую традицию, христологию и антропологию, в которых в одинаковой мере происходил переход из низшей сферы в высшую. Это отвечает кругу идей Феодора Мопсуестского (p. 274), которые были приняты в Нисибийской академии и через мар Абу и Фому Эдесского оказали влияние на Козьму. Существенным вкладом является вывод В. Вольской об общем источнике Пасхальной хроники и Христианской топографии, трактате о состояниях. Противоречивые представления, сочетающиеся у Козьмы, автор справедливо объясняет его зависимостью от нисибийско-антиохийской школы, с одной стороны, и от взглядов, распространенных в философских кругах Александрии — с другой. Глава 10-я, по мнению Вольской, написана не Козьмой, а другим лицом. Охристианизированный аристотелизм был принят православной церковью не несторианством, по ее мнению (p. 278), что не вполне правильно, так как несториане переводили и усиленно занимались Аристотелем. Нельзя забывать также о платонизме, глубоко вошедшем в восточное христианство.

Спор между Филопоном и Индикопловом — это спор представителя высшего образования и человека, не усвоившего систематических знаний (p. 280). И, конечно, автор прав, называя Христианскую топографию типичным и ярким памятником VI в., в котором богословие и наука, символика и реальность перемешаны (p. 281). Быть может, автору следовало более настойчиво сказать о ценности сведений Козьмы, о его правдивости, о том, что его практические данные имели большое значение и находились в явном конфликте с его теоретическими взглядами.

Книга В. Вольской заслуживает большого внимания, в ней разрешен ряд важных и интересных вопросов истории науки и культуры средневековья. Автор показала, что она прекрасно владеет греческим, латинским и всеми новыми языками, включая славянские, превосходно осведомлена в источниках и литературе вопроса. Мы вправе ждать новых трудов В. Вольской, которые, как и эта первая ее книга, будут с признательностью приняты широким кругом читателей.

Н. В. Пигулевская.